

ВЫПИТОЕ СОЛНЦЕ

МАРИЯ ВАЛЕРЬЕВА

18+

Мария Валерьева

Выпитое солнце

<https://litres.ru/74532102>

SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрине приходится жить на две личности: днем она работает в школе, а ночью испытывает счастье в ночных клубах города. Одна жизнь для других, вторая – для себя, но ни одна не счастливая.

Октябрина думает, что судьба к ней неблагоприятна, и решает переступить последнюю черту, но в месте, где смерть встречается с жизнью, девушка знакомится с Арсением, который познал и то, и другое.

Так начинается их путь. Они не думали, что настолько нуждались друг в друге.

Содержание

Эпиграф	4
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	51
Глава шестая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мария Валерьева

Выпитое солнце

Эпиграф

*«Пламя таится в угле,
Небу – костры, ветру – зола!*

...

*Памятью гибель красна,
Пей мою кровь, пей, не прекословь!
Мир тебе, воля-весна!
Мир да любовь».*
Алиса, «Шабаш»

*«Я вздыхаю о месте в твоём сердце, а не томлюсь от
жажды разделить с тобой наслаждение».*

Мэтью Грегори Льюис, «Монах»

Глава первая

С той ночи Октябрина ощущала завтрак иначе: уже не такой необходимостью, чтобы поддерживать существование, а ритуалом, где каждое помешивание растворимого кофе в чашке – это привлечение хороших событий на день. Три помешивания по часовой стрелке – на хорошую погоду. Три против часовой стрелки – на молчание детей на уроках. Обычно в восемь утра Октябрина не позволяла себе роскоши с завтраком, а уже шла на работу, но сегодня праздник, новый день рождения, да и ей не к первому уроку.

Что-то изменилось. Что-то изменилось. Что-то...

В коридоре раздалось шарканье. Медленно, неминуемо и настороженно как доисторическая и не умеющая летать птица на охоте. Жаль, что все вымерли. Скопление таких птиц – зрелище, наверное, интересное.

– Доброе утро, Катюш. Ты сегодня ночью не спала? Я слышала какой-то грохот. – На кухню зашла Галина Георгиевна в теплом голубом халате с цветочками, который она носила постоянно.

– Доброе. Я просто снимала Тайлера со шкафа и свалилась, еще и табуретку сломала. Простите.

– Табуретку починим, это не беда. А попугай, как ж он туда попал-то?

– Я кормила его вечером и забыла закрыть клетку.

– Ты поаккуратней. Он-то слетит, если что, а ты-то – нет, – сказала Галина Георгиевна, открыла холодильник, изучающе оглядела полки, закрыла дверцу и опять посмотрела на Октябрину, словно позабыла, что уже ее видела. – А ты сегодня разве не работаешь?

– Если бы. Пойду, наверное, к девяти, пораньше. У меня не с первого урока, – ответила Октябрина, сделала глоток и отставила чашку. Кофе остыл, а она терпеть не могла пить его холодным.

– А я раньше не думала, во сколько пойти. Выбирать не приходилось. – Покачала головой Галина Георгиевна. – Ты хоть позавтракай, вон, и творожок, и молоко, можно овсянку заварить. У меня в ящике изюм есть. Свежий, хороший, ты возьми. Он полезный.

– Спасибо, Галина Георгиевна, я сейчас поем что-нибудь, – сказала Октябрина, и отпила кофе. Поморщилась, и – отпила снова.

– Поешь, на тебе что-то совсем лица нет. Спать надо больше. – Галина Георгиевна сказала это уже в дверях, после того как отодвинула длинные деревянные висюльки шторы в сторону. Птица опять прошаркала по коридору. Через пару минут в гостиной за стенкой послышался шум телевизионной программы. Теперь до вечера он не смолкнет.

Почему-то пожилые люди никогда не признаются в том, что в прошлом им приходилось непросто. Может, с годами «розовые очки» появляются сами собой, в комплекте с бес-

сонницей и плохим зрением, но Октябрина не понаслышке знала, как во времена, когда Галина Георгиевна только начала преподавать математику после университета, выпускника могли отправить по работе в любую точку Советского Союза. Старушка только по большой удаче переехала всего-то в соседний город, потому что некоторых отправляли почти на другой конец страны.

Октябрина вытащила из кармана пижамных шорт телефон, просмотрела уведомления, усмехнулась и опять отпила кофе. Все как обычно: Роман написал, что был в городе, и требовал встречи, Варя уже успела на что-то пожаловаться, а Женя приехала в школу и была полна энергии, за что благодарила новые БАДы¹. Для приличия Октябрина тоже написала ей, что с ней все хорошо.

По утрам девушка старалась уйти пораньше. Сначала, конечно, помыть посуду. Потом – покормить живность: полтора стаканчика Клюкве, половину стаканчика – Тайлеру, хотя он, кажется, вообще ничего не ест. Потом собрать сумку: не забыть тетради, пересчитать и связать резинкой. Поставить таймер на пятнадцать минут и накраситься так, словно на работу шла не в школу, а как минимум в офис модного журнала, потому что, как говорила Варя, когда вычитала это в какой-то книжке по саморазвитию: *«Чтобы стать человеком, у которого все в порядке, нужно прикинуться человеком»*.

¹ БАД – биологически активная добавка, дополнение к пище. Не являются лекарственными средствами.

ком, у которого все в порядке». Потом посмотреться в зеркало. Положить в карман брюк наушники, погладить Клюкву на прощание и выйти, прошаркать, как младшей птице, по коридору, закрыть за собой обитую мягким материалом дверь и забыться до вечера, а, может, и до ночи. Но этим утром пришлось задержаться: только Октябрина вышла из комнаты, как из зала позвала хозяйка и попросила вкрутить лампочку. Отказаться нельзя – обидится.

– Ты сегодня какая-то... Какая-то не такая, – заметила Галина Георгиевна. – У тебя не болит голова? А то какие-то бури по телевизору передавали. У меня таблетки есть.

– Не болит, – соврала Октябрина, и подумала, что в ее организме есть недостаток витаминов или полезных веществ, может, даже железа: перед глазами темнело. – Куда засунуть лампочку?

Пенсионерка указала пальцем на люстру.

– А, точно.

Октябрина положила сумку на кресло рядом с огромной игрушкой одноглазой собаки и поставила табуретку под люстру. Руки немного дрожали. Пришлось переставить, чтобы встать точно под люстру.

– Ты только не упади. Тебя поддержать? – спросила Галина Георгиевна, прежде чем Октябрина залезла на такую же табуретку, что видела в полумраке ночью.

– Не надо меня поддерживать.

В гостиной люстра хлипкая, висела на цепочке, которая в

любой момент готова оторваться. Погруженная в мысли Октябрина меняла лампочку. Против часовой стрелки. По часовой стрелке. Свет снова ярко загорелся: он белый и напоминал больничный. Табуретка под ногами была такая же шаткая, долго на ней не простоять.

– Катенька, а помнишь Дарью Борисовну? – вдруг сказала Галина Георгиевна и, кажется, села в кресло. Кресло громко вздохнуло.

– Это какая? – спросила Октябрина, не оборачиваясь. – Вот блин. – Пальцем Октябрина задела лампочку, она выскочила и не желала заново вкручиваться.

– Ходила у нас во дворе. Утро, завтракаешь, а она уже гуляет. Дождь или снег, а она идет. Скрюченная такая, маленькая. – Галина Георгиевна достала из кармашка халата очки, выдохнула на стекла и начала их тереть. – У нее сын алкоголик был, посадили за что-то. За воровство что ли. Курточка у нее старенькая такая была, коричневая, но всегда чистенькая. Чистая старушка, всегда поговорить любила.

– Может и помню, – сказала Октябрина. – А что?

– Как-то сидели с Ольгой Кирилловной на скамейке, видим, проходит она. Мы спрашиваем, что ж ты гуляешь с утра? И погода ведь была такая, холодная, я еще, помню, в куртке новой пошла, продрогла. Я как-то в окно-то выглядываю, а она все ходит и ходит. Так мы спросили, чего она постоянно гуляет, дома делать что ль нечего. А она говорит, что у нее телевизора нет.

– И что с ней?

– А она в комнате с подселением жила. Квартира трехкомнатная, в самой маленькой. Там мужик такой, широкоплечий и большой, хозяин, а она в самой маленькой комнатке... Отправили ее в дом престарелых.

– Что же, вот так взяли и отправили? – спросила Октябрина. Лампочка уже светила, даже не моргала, а Октябрина не двигалась.

– Она ведь пенсию маленькую получала совсем, жила бедно, а работала всю жизнь, но никогда много не получала. А работала всегда, пока могла. – Галина Георгиевна вздохнула. – Мы видели, как она бутылочки собирала, сдавать ходила. Ей там хорошо, будет на равных. Она к изыскам не приучена, съест все, что дадут. Будет свой угол. У нее жизнь маленькая, а Дарья Борисовна поговорит там, погуляет. Ей там лучше, чем здесь было. Там ей свободней...

Октябрина хотела уже спросить что-то еще, но, когда посмотрела на Галину Георгиевну с высоты, все мысли исчезли. Осталась только одна: поскорее бы подышать свежим воздухом. Солнечных ванн ждать не приходится – солнце ей давно не улыбалось.

Глава вторая

Не сказать, чтобы хозяйка квартиры была зловредной старушонкой, которая везде сует нос и дает непрошенные советы. Галина Георгиевна наоборот редко начинала разговор первая, разве что по утрам, а обычно просто наблюдала. Любимым ее занятием было смотреть в окно, если погода не подходит для прогулок, или сидеть на лавочке у подъезда с соседками и обсуждать прохожих.

Утром обычного дня, когда у Галины Георгиевны не болела голова, а погода была не слишком жаркая, но и не прохладная, женщина стояла у окна с чашкой цикория и долго смотрела на Октябрину. Седые волосы забраны в высокую прическу, ноги, какая бы температура в квартире ни была, в теплых тапочках.

– Простынешь! – говорила она Октябрине и протягивала новую пару тапочек. – Под нами подвал, холод по полу ходит, а ты не замечаешь. А потом проблемы будут!

После того, как Октябрина тапочки все-таки надевала, Галина Георгиевна начинала говорить о чем-то другом. Ела Октябрина мало, работала много, а ночами пропадала – часто невесть где. Не сказать, чтобы она совсем не переживала, не пыталась изменить свою жизнь, но не хотела делиться мыслями: слышать о своих проблемах в сотый раз от другого человека невыносимо, поэтому жизнь Октябрины они нико-

гда не обсуждали.

Дырявить голову Октябрины молчанием хозяйка квартиры могла до тех пор, пока постоялица бы не сдалась и не спросила:

– Как у вас день вчера прошел, Галина Георгиевна?

Галина Георгиевна оживала. На бледных впалых щеках появлялся румянец, глаза зажигались светом юности. Она прошаркивала к табуретке, садилась за стол рядом с Октябриной и доставала из вазочки конфету, а пока разворачивала, начинала говорить что-то подобное:

– Вчера иду я в магазин. Купила я значит яйца, молока два пакета, хлеба черного. Нравится мне этот хлеб, чувствуется, что не пыль и грязь там какая-то, а что-то натуральное. Только в этом магазине продается. – Она отворачивалась к окну, словно вспоминала, что еще хотела сказать. – Вижу Людку! А я Людку не видела уже очень давно, как-то мы с ней виделись на рынке, она молоко покупала. А там молоко еще такое, похоже на деревенское, но я не покупаю его, потому что оно не превращается в творог, если очень долго стоит, а хорошее молоко должно превращаться в творог или сыворотку, а не просто вонять. Я у нее спрашиваю: «Людочка, я тебя так давно не видала. Как твой Вася?» А Вася – это сын ее. Людка жената была дважды. Первый муж у нее был врач, работал в больнице, кажется, терапевтом. Хороший такой, крепкий мужчина. У его семьи еще квартира была у Комсомольского парка. Мать у него работала в детском саду, а вот

отец... Отец не помню. Но тоже крепкий такой мужик был, метра два ростом. Но вот развелись они. А он потом женился на какой-то женщине из Рязани и уехал туда. А вот второй муж у Людки, он повар в ресторане у площади. Эдик, низенький такой, пришибленный какой-то. У него волос почти нет, какие-то залысины на макушке, он еще постоянно кепку носит, чтобы не напекало. А Васю Людка родила прям через пару месяцев после свадьбы. Она на свадьбе в огромном платье была, чтобы живот скрыть. Вася этот учился в колледже. И вот Людка мне говорит, что он на заводе поработал, а потом ушел. Сказал, что там сейчас работать много. У Васи еще девушка есть, но вот они не женятся. И вот сейчас представляешь, решил второе образование получать, записался на какие-то курсы в интернете и что-то там с программированием изучает. Вот мы с Людкой поговорили, и я домой пошла.

Октябрина знала столько информации о знакомых Галины Георгиевны, которых даже никогда не видела, что считала, будто знакома со всеми заочно. Но женщина вспоминала не каждый день, ей, наверное, нужно было настроение, чтобы вспоминать прошлое.

Часто Галина Георгиевна сидела в зале перед телевизором и вязала носки внукам, которые летом с сыном приезжали и увозили ее с горсткой вещей на дачу за триста километров от дома. И если сын был благосклонен хотя бы пару месяцев в году, то дочь появлялась на праздники и в те дни, когда

ей нужно побыть в квартире. В последнее время это случилось чаще, чем говорили бы границы разумного, и разрушительней, чем следовало бы назвать «обыкновенным плановым посещением матери». Легче запереться в комнате и сделать вид, что в квартире кроме пенсионерки никого нет, что никто не ругается на кухне, не бьется посуда, а на балконе не появляется странных пакетов, из которых иногда выползали маленькие рыжие тараканы. Пакеты не разбирались, даже не трогались. На балкон старались не выходить, но тараканам не страшны ни закрытые двери, ни окна. После обнаружения «новоприбывших» в комнатах еще долго пахло химией. Галина Георгиевна бледнела, худела и почти с Октябриной не разговаривала, даже когда девушка пыталась разговорить ее или развеселить. Но тяжело было до мая. В мае откуда-то появились силы выходить на улицу, и терпеть появления дочери Галины Георгиевны стало проще. К концу месяца дочь появляться перестала.

Октябрина вышла на улицу. Дверь за спиной скрипнула, скрипнула так жалостливо, будто попросила за что-то прощения, а потом громко хлопнула. Во дворе никого.

Даже с первого этажа нельзя рассмотреть май во всей красе. В отдалении дома, где не слышно даже шума широких дорог, груши усыпаны белыми цветами, раскрылись алые тюльпаны, и трава залечила проплешины, превратилась во влажный зеленый ковер. В воздухе пахло летом и дымом. Вдали раздавалась сирена пожарной машины. До остановки идти

не больше пяти минут, но Октябрина шла в обход мимо других старых пятиэтажек, недавно выкрашенных в разные яркие цвета. Асфальт был в прежних дырках. Машины спотыкаются каждый раз, водители ругаются, но все остается по-прежнему.

До школы на автобусе быстрее, но Октябрина выбирала трамвай. Со времен учебы она привыкла приезжать к звонку и в рабочие годы не собиралась изменять привычке. Ходить по кончику ножа – удовольствие, доступное только умеющим идти на риск. Да и увольнять ее не за что – все-таки она ни разу не опоздала и ни с кем не ругалась.

Покачивания трамвая на старых рельсах успокаивали. Октябрина даже не стала доставать наушники. Она молча смотрела в окно и ни о чем не думала. День обещал быть удивительно пригожим. Или все-таки нет? Может, и на него найдется туча.

В школе Октябрину встретила тишина. У входа девушка остановилась у зеркала, будто бы посмотреть на себя еще раз, чтобы не забыться совсем, но на самом деле – послушать тишину, густую и объемную. В мае, конечно, школьников меньше, но любая гробовая тишина в школе – это всегда предвестник чего-то нехорошего, она еще со своих учебных лет помнила. Наверное, за дверями ученикам сейчас совсем не до веселья.

Октябрина взяла у охранника ключ от кабинета, в котором должна провести урок, поднялась на второй этаж и со-

биралась уже открыть дверь, как за спиной вдруг раздалось достаточно громкое:

– Брина!

Октябрина досчитала до трех, сжала руки в кулаки и – обернулась. Конечно, это был Никита. Он не мог заставить себя называть ее так, как она просила.

– В следующий раз я не отзовусь.

– Ну сейчас-то отозвалась. – Он улыбнулся. Веснушки его на губах стали такие темные, что издалека можно принять за родинки.

– Тогда мне тебя называть Кешей? – спросила Октябрина и прислонилась спиной к двери.

Никита рассмеялся, поднимая мощные плечи. В мае он убирал рубашки подальше и носил футболки с пиджаками. Не из удобства: Октябрина еще в сентябре заметила, какими взглядами провожали его в коридоре старшеклассницы, а Женя даже подшучивала, чтобы он был аккуратен. Никита будто специально не обратил внимания.

– У тебя же почти не осталось уроков? – спросил Никита и почесал голову. Волосы у него отросли, распадались почти до ушей. Ему шло.

– Разве не у всех?

– У меня пока есть.

– У меня немного.

– А, ну, у тебя же нет класса.

– И хорошо, – хмыкнула Октябрина.

– Ну как же, а выпускной? – Никита улыбнулся. – Они так много ног отдавят, наверное. Нужно будет вызывать скорую.

– Веселее будет. На моем выпускном можно было повеситься от скуки.

Октябрина знала – Никита о своих школьных годах рассказывал всем, кому не хватало смелости отказать ему, а таких обычно не находилось. Рассказывал он так, словно ему было хорошо за пятьдесят, может, даже за шестьдесят, и его молодость была совсем другая, не то что у «современной молодежи». А ему всего-то двадцать четыре.

– У тебя там, наверное, было все не так, как у нас. Мы в ресторане были, ди-джея приглашали. – Он засмеялся. – А он, знаешь, что отмочил...

Кажется, Никита даже настроился снова рассказать о том, как его друзья напились в туалете в ресторане на выпускном и половину вечера провели над унитазами, как кто-то переливал виски в пачки детского сока, как бутылки проносили в сменной обуви и штанах, как кто-то придерживал дверь туалета, пока друзья предавались страстям в кабинках, как выпускники снимали друг друга на телефоны, как потом они гуляли и пели песни так громко, что кто-то из случайных прохожих почти вызвал полицию, но Октябрина остановила его до того, как отказ стал бы слишком болезненным.

– Мне пора. Меня, наверное, ждет Женя. Мы договорились сходить в кино.

– В кино? А на что? – Никита нахохлился как попугайчик

корелла. Даже щеки покраснели.

— На какую-то дурацкую романтическую фигню, Женя такое любит. — В «яблочко». Никита не предложит составить компанию.

— Ну ладно, тогда в следующий раз расскажу.

Он, кажется, расстроился, но Октябрина ушла слишком быстро, чтобы это заметить.

Вверх, в учительскую. В самое сердце школы, туда, где просто так не проходят ученики, где не пахнет какао из столовой, где нет лестниц. Где, кажется, даже думать нужно особенно. Октябрина смотрела под ноги, чтобы никто не узнал по дороге. Не хотелось слышать лишних вопросов, не хотелось слышать вопросов вовсе, но совсем без них тоже не уйти.

Учительская всегда появлялась неожиданно, даже если кто-то и шел к ней, встреча с ней всегда случалась будто бы случайно. Красивая дверь с отметиной посередине: один школьник как-то влетел в нее, и полотно до сих пор не поменяли. Октябрина зашла в учительскую со слабой надеждой, что будет одна. Хоть воротник можно отвернуть. Но она была не одна.

Удивительно, что Никита все еще верил, что они на самом деле ходят в кино. Не хватило ума проверить, спросить лишний раз, о чем смотрели фильм, будто он просто не мог поверить, что ему могли врать намеренно.

— Привет, Жень.

Женя никогда не ходила в кино. Она считала, что любой фильм приятнее смотреть в тишине, дома, без жующих под ухом незнакомцев. Женя вообще ценила все незаметное и беззвучное, но отчего-то все равно не отказалась идти в школу, где такие понятия почти отсутствовали. Она сидела на диване у шкафа с журналами и читала книжку на английском в яркой желтой обложке. В новом платье Женя выглядела еще хуже, чем два дня назад. Может, опять питьевая диета или таблетки *«Минус десять килограммов за две недели! Не переживайте, что не влезаете в платье или уродливо смотрите в бикини. Наши биоактивные добавки заменят вам еду!»*. Или – посиделки со скучающим видом в столовой, обдумывание плана питания на три дня. Брокколи или белокочанная? А если сменить рисовое молоко на овсяное? Сколько в нем вообще калорий?

Женя оторвалась от чтения, поглядела на Октябрину как сыщик смотрит на труп на полу. Изучающе, но уже представляя, что сказать.

– Привет. Ты что-то бледно выглядишь.

– Да я забыла румяна. У тебя нет случайно?

– Я не ношу, они мои щеки делают больше, – сказала Женя. – У Дарьи есть.

– Я не хочу оранжевые. – Октябрина оглядела учительскую, словно не верила, что за шкафом не прячется кто-то, чтобы подслушать свежие сплетни. – Ты случайно не хочешь приворожить Никиту? Вы бы хорошо смотрелись.

– Да иди ты! Какой «хорошо»? – усмехнулась Женя и положила книжку карандашом. – Ты представь, как мы на фотографиях смотреться будем. Мы же совсем друг другу не подходим.

– Ты же говорила, что он тебе нравился.

– Ну, поговорить с ним можно, но быть с ним... Да как-то не очень хочется. В школе он был посимпатичней, особенно в десятом классе. А где ты на него напоролась?

– У кабинета. Следил же, не просто так встретились.

– У него разве есть уроки?

– Сказал, что есть. Как там на деле...

– Покажи ему фотографию Ромы, он отстанет.

Женя знала, что фотографий Романа нет, что голоса Романа нет, что в «контактах» он записал совсем не под своим именем, что его ссылки не найти ни в одной социальной сети, что ни одного видео с Романом не отыскать в телефоне у Октябрины, но продолжала надеяться.

– Обойдется.

– А ты скоро уходишь? – спросила Женя и пригладила волосы и без того гладкие под слоем лака.

– У меня три урока. Может, потом немного посижу тут, заполню документы. – Пожала плечами Октябрина. А потом вспомнила, сколько на самом деле оставалось работы и вздохнула. – Все равно уже пришла.

– У меня сегодня два. А кто у тебя первый?

– Твои.

– А, мои. – Женя улыбнулась. – Что-то они вялые сардельки какие-то.

– Конец года, дети устали.

– Ничего они не устали, расшевели их. Дай им тест какой-то или работу написать. Что-то они расслабились.

Больше Октябрина ничего говорить не стала. С Женей они общались с четвертого курса, когда вместе ходили на практики, а потом оказались в одной школе. Сначала вовсе не пытались наладить отношения, но потом их сблизили совместные подготовки учебных планов. Девушкам дали одинаковые классы.

– У меня сегодня два, а потом кружок, – вздохнула Женя и повела плечами. – Не знаю даже, во сколько сегодня освобожусь.

Жене тоже вдруг почти все стало безразлично, словно не было и школы, и шкафов с журналами, и папок с личными делами рядом не лежало, а были только законченные дела. Будто она и не работала в школе вовсе, а училась. В мае учиться никому уже не хочется.

– А он тебе звонил? – спросила все-таки Женя.

– Пока нет, – Октябрина вздохнула и вздрогнула. Каждый секрет, рассказанный даже самому доверенному лицу, все равно кажется раскрытым.

– Он опять уехал?

– Нет, он просто занят на работе, – ответила Октябрина.

– Жалко, что он не ходит с нами. Классно было бы увидеть

тебя счастливой.

Октябрина усмехнулась про себя. Почему-то все люди уверены, что в чужой компании человек обязательно выглядит лучше.

– Я предложу ему, но сама понимаешь...

– Да, я помню, он серьезный человек. – Женя вымученно улыбнулась. – Ну мы тоже не так себе. Нужные люди.

В ответ Октябрина улыбнулась также.

Прозвенел звонок. Скоро в учительской набьется так много людей, что не протолкнешься. Женя поднялась с дивана, положила книжку в маленькую сумку, с которой ходила на работу, и поправила платье на сбросившем за месяц пять килограммов теле. Почти модель, только низковата, как сказал агент модельной школы.

Октябрина сдержанно подавила приступ зависти. Умудрялась Женя как-то всегда выглядеть отлично, но иногда – будто не к месту. То ли место не то, то ли они все – не к месту.

– Пойдем вечером, как договаривались? – спросила Женя, прежде чем выйти в коридор.

Октябрина почесала шею, скрытую за горлышком водоплазки. Знакомое жжение, как когда приходит время снять уже нагретый кожу горчи́чник.

– Пойдем. Только позвони, а то мало ли.

– Я помню, Рома. Напиши тогда, где будешь. Ну, если что. – И, улыбнувшись напоследок, закрыла дверь.

Октябрина осталась одна в комнате. На нее смотрели пап-

ки, чужие чашки, журналы, цветы на подоконнике.

И снова – почти лечебная тишина.

Глава третья

С детства Октябрина мечтала быть учителем. Сколько себя помнила, раскладывала перед столиком кукол, садилась перед ними и пыталась рассказать правила написания букв молчаливым ученикам. В перерывы она, воображая себя не больше и не меньше ученым, обкладывалась энциклопедиями о динозаврах, мифах древних народов и астрономии. Со временем отношение к работе у Октябрины не изменилось – в каждом учителе в школе она выбирала такую черту характера или особенность поведения, которую ей бы хотелось перенять на будущее, и к восемнадцати годам подошла с выкроенным лоскутным ковриком-портретом учительницы, которой хотела бы быть. Родители мечтали сделать ее врачом, звонили в университеты, ругались с учителями, но Октябрина быть врачом не согласилась. Ссора с родителями расстроила, но решимости не убавила, и девушка поехала в другой город, чтобы поступать в педагогический университет. Спустя пять лет учебы, сессий и переживаний она имена полное право стоять перед классом в тридцать пять человек и вещать, чем глагол совершенного вида отличался от глагола вида несовершенного.

Конечно, все получилось не совсем так, как хотелось. Учебники описывали не применимую модель поведения на работе. Демократический подход, который практиковался в

университете, со школьниками не всегда работал, и на детей, вопреки книжным запретам, приходилось прикрикивать. Но Октябрина, даже когда уставала и тащила на работу как тряпичная кукла на веревочке, все равно старалась работать на совесть. Родители и другие учителя на нее не жаловались, а дети всегда здоровались.

После окончания университета Октябрина почувствовала ту маленькую смерть, какую ощущает каждый человек перед распутием. Старый «Я» погиб, нового «Я» еще не появилось. Работа оставалась тем якорем, за который можно схватиться, когда все под ногами расплывалось. Однако под конец года держаться за мокрый холодный якорь тоже стало невыносимо.

Из года в год Октябрина смотрела на изменяющееся окружение: на то, как одноклассники еще на учебе устраивались на работу, переезжали, играли свадьбы, выкладывали фотографии в социальные сети месяцами после торжества. Она следила за тем, как они заводили семьи и детей, как младенцы начинали ходить, сидели с родителями на экзаменах и играли с карандашами. Она видела, как дети меняются, как растут в высоту и в ширину, и не могла совладать с мыслью, что когда-то и она была такой же, так давно, что и не помнила себя такой. Она знала себя на фотографиях, которые остались в родительской квартире: маленькая девочка с корзинкой грибов в платье на фоне леса, девочка с букетом цветов с косынкой на голове на лугу, девочка в песочнице с дру-

гими детьми во дворе – и десятки других таких же девочек, которые, казалось, ничего общего с ней не имеют. Фотографии сохранили постороннего человека. Иногда даже на новых фотографиях Октябрина себя не узнавала.

Казалось, между взрослыми и детьми – пропасть, и понять их невозможно, но случались и драгоценные находки. Одной из таких находок была, например, Наташа из пятого «А»: маленькая, любопытная и любознательная, похожая на куклу, в выглаженном платице и с аккуратными косичками. Она всегда поднимала руку, когда хотела ответить, внятно говорила, не болтала на уроках и отлично училась по собственной воле. Настоящий ребенок с картинки учебника по педагогике. Такой, какого постоянно ожидаешь видеть в школе, но лишь изредка на него натыкаешься.

Октябрина помнила расписание: пятый «А», класс Жени – один из последних уроков в году. Последние уроки и не уроки вовсе, только название, а на деле – растрачивание времени, хотя его и так мало. Может, для детей его еще много, но с годами понимаешь, что «много» не бывает.

Октябрина вошла в класс после звонка. Дети, не все – кто-то уже уехал отдыхать, сидели со своими друзьями и разговаривали. Девочки и мальчики в белых рубашках с коротким рукавом сидели на краях столов и на полу, шептались и показывали друг другу что-то на экранах телефонов. Октябрина здоровалась с детьми так, как здоровалась бы со взрослыми.

– Доброе утро, класс. Как вы себя чувствуете?

Дети отвечали наперебой, радостно, что все с ними в порядке. Октябрина, конечно, знала, что для детей «в порядке» – растяжимое понятие. Они больше «в порядке» на улице, когда играют в пионербол, чем сидят в жаркий майский день за школьной партой. С большей радостью они бы побыли дома и поиграли в компьютерную игру. Их «в порядке» – о свободе, а ее – больше обязательстве. Но все же они «в порядке», «в порядке» настолько, чтобы высидеть еще один урок, если их будут развлекать.

Октябрина попросила детей занять свои места, а потом заняла свое. Учительский стол другого учителя: чужие календарики под стеклом, ручки в подставке, тетради на углу стола и даже ноутбук – чужой, со стандартной заставкой «Windows».

– Так, у нас сегодня не все на месте? – спросила она. – Кто дежурный?

У парты поднялась Вера в белой рубашечке и с бантиками в тон. Праздничная, словно на первое сентября пришла.

– Октябрина Эдуардовна, сегодня нет... – и начала перечислять семь имен, а Октябрина параллельно вспоминала к именам фамилии.

– А известно, почему их нет? Разболелись или у них воспаление хитрости? – спросила Октябрина и улыбнулась. Вера, сначала сконфуженная, теперь улыбалась в ответ.

– Октябрина Эдуардовна, справки должны быть у Евгении

Витальевны.

Октябрина усмехнулась. К Жене со справками она не будет приставать даже из принципа.

– Так, ну хорошо. Вера, садись, пожалуйста. Спасибо. – Октябрина поглядела в окно и, впервые за пару дней почувствовала слабый, как струйку ключа, пробивавшуюся сквозь землю, прилив сил. – Я проверила ваши тесты, оценки все видели? Отлично. Я предлагаю закрепить результат просмотром фильма...

– Фильм! Фильм! – Громко, как один организм, один рот, растянутый на двадцать семь человек, прокричали они. Кто-то уже смеялся.

– Даже договорить не дали. Потом вам задание дам по повести, поняли?

Дети радостно закивали.

– Киваете. Хорошо, я запомнила. Тогда сейчас посмотрите.

Октябрина записала на створке доски вопросы по фильму и быстро обсудила их с учениками, а затем дала команду готовиться к просмотру. Пока дети смотрят фильм, они не кричат, не мешают заполнять журналы и доделывать документы. Под конец года – необходимость. Первую половину года можно еще вытерпеть, стараться самой готовить уроки и задания, следовать планам, но после праздников сил не остается совсем. А фильм? Золотая середина. Пусть жизни их учит кто-то другой. Актеры – тоже учителя, но к ним не

прокопаешься, не вызовешь на разговор. Октябрина включила проектор, нажала на «play» на экране, и фильм начался. Дети пододвинулись поближе, как в настоящем кинотеатре, выключили свет и закрыли жалюзи. Когда им что-то нужно, ученики становятся очень даже самостоятельными.

Октябрина вошла на сайт журнала, открыла свой блокнот на нужной странице и вытащила ручку из подставки. Сначала перенести оценки в электронный журнал, затем – заполнить документы. Все ручки в школе одинаковые, чтобы не отличались чернила.

Взглядом Октябрина нашла Наташу. Она не уехала, она вообще никуда не уезжала во время учебы. Наверное, родители беспокоились, чтобы дочь не пропускала уроки. Наташа с косичками, с белыми резиночками, в рубашечке и блестящими глазами. Может, будь Октябрина старше, девочка бы напоминала ей годы детства, но они все же очень разные. Может, у Наташи будет светлое будущее. Может, она, как и писала в сочинении, уедет в Италию и будет жить там. Встретит старость на лавочке под апельсиновым деревом рядом с мужем итальянцем, который готовит такую вкусную пасту, что съесть можно с тарелкой. Может, у всех них есть шанс на счастье.

Шея под воротником чесалась. Может, замазать тональным кремом?

Октябрина заставила себя вернуться к заполнению журналов. Еще немного, и учеба кончится. Дети уйдут, веселая

Наташа, которая весь год приносила ей рисунки к стихам поэтов на «критическую оценку» улетит отдыхать с бабушкой, остальные разъедутся кто куда. Кто знает, что будет в следующем году. Может, они и вовсе разъедутся. Может, кто-то из детей переедет с родителями в другой город или страну, может, школу закроют или кого-то уволят.

Октябрина оторвалась от заполнения столбиков и посмотрела на детей. На мгновение ей показалось, что среди них, на последней парте, где место пусто, сидит и она. Много лет назад, лет тринадцать. Девочка в черном сарафане, яркие браслеты на запястьях, тетрадки, обклеенные блестящими мордочками котов и собак, закладка с «Папиными дочками», блокнот на замочке. Она еще мечтала о несбыточном, строила планы, выписывала интересные места из интернета и частенько их пересматривала, словно спрашивала себя, на самом ли деле хочет уехать куда-то. Ответ всегда был один – хочет. Но со временем появилось прискорбное «надо», многие желания позабылись, однако несколько, самые сокровенные, все еще хранились в памяти. Одним из них было прожить интересную жизнь. Пока Октябрине не удавалось его исполнить.

– Октябрина Эдуардовна, можно выйти? – послышался голос с задней парты.

– Да, Галя, конечно, – ответила Октябрина, не поднимая головы.

Девушка вздохнула, достала телефон, убавила яркость и

смотрела фотографии знакомых. У них все отлично: кто-то отдыхает, у кого-то красивые фотографии в какой-то квартире, кто-то завел собаку, кто-то плавает в море, а кто-то отдыхает в клубе с коктейлем. Октябрина улыбнулась, когда увидела свою бывшую одноклассницу в зеленом свете бара в клубе. Казалось, что, если ты не запечатлел какой-то момент жизни, его либо не было вовсе, либо он оказался незначительным. Лента в социальных сетях была показателем успешности. Если ты редко обновляешь ее, значит, нечего показать. А если так – делай так, чтобы что-то интересное в жизни появилось.

Октябрина пролистала ленту до конца, а потом вернулась к фотографии из клуба. Улыбнулась. Всех их ожидает длинный путь, но для нее сегодня – хотя бы до клуба. Там она тоже станет кем-то с фотографии, кем-то, в кого можно поверить, но фотографию не выложит. Варя обещала провести, можно даже не брать много денег. Новая личность, веселье и разговоры ни о чем с людьми, которых никогда больше не увидишь. Может, это будет весело. Может, она запомнит этот поход в клуб больше остальных, еженедельных, одинаковых. Для одного вечера этого будет вполне достаточно.

Глава четвертая

Женя отказалась идти. Отменять веселье было у нее в привычках. Может, опять не понравилась себе в зеркале. Как-то из-за этого она даже не поехала на море.

«Если пойдешь, передай Варе привет», – написала она после долгого голосового сообщения, будто сказать это вслух было выше ее сил.

Собраться для прогулки занимало у Октябрины почти три часа. Сначала выбрать одежду, отгладить, повесить на вешалку и прикинуть, хорошо ли будет выглядеть. Достаточно ли она отличается от той, что носит каждый день? Достаточно ли хорошая маскировка? Глубокий ли разрез, достаточно ли видно ноги? Если одежда устраивала, Октябрина красилась. Для вечеров у нее была отдельная косметичка, в большом твердом чемоданчике, в котором обычно носят оружие. Впрочем, макияж и был ее пистолетом, только весил больше. Октябрина могла не засекаать время. С истерическим упоением, граничащим с наслаждением, она прорисовывала стрелки тенями, обводила губы маслянистым карандашом, прочерчивала линии в бровях. За последний год она научилась изменять лицо до неузнаваемости.

Самое главное в любом образе – волосы. У Октябрины в шкафу, за длинным платьем, на безликих головах хранились парики. Самый любимый, черный с длинными прядями

и красивой челкой, она иногда доставала просто так и расчесывала. Пропускала волосинки сквозь пальцы и думала, как бы могла выглядеть, если бы это были ее настоящие волосы. Если бы родители не пугали в детстве красками для волос, если бы разрешали делать то, что хотелось, а не отращивать или отрезать только демократичное прямое каре. В черный она покрасилась только на пятом курсе, но отрастить волосы так и не решилась. Это ведь не просто парик, а новый паспорт. Это дозволение быть той, кем хотелось быть всегда.

Октябрина посмотрела на себя без парика. Неплохо. Но стоило ей надеть парик на голову, закрепить его на волосах и посмотреться в зеркало еще раз, как поняла – наконец-то можно почувствовать себя хоть немного счастливой.

Клюква, белоснежная кошечка в темных пятнышках, валялась на диване кверху животом, пока хозяйка собирала последние вещи в сумку: кошелек, помада, перцовый баллончик, таблетки от головной боли. Клюква помотала головой, потянулась, перевернулась на бок. Она всегда знала, что кошкой быть лучше. Люди такие нервные.

– Следи за Тайлером! – сказала хозяйка.

Клюква зевнула. Интерес к Тайлеру она потеряла, когда он клюнул ее в лапу. В клетку все равно не пробраться. Какой смысл им интересоваться?

Попугай остался еще от внучки Галины Георгиевны, когда та жила у бабушки. Девочке надоело следить за птицей, безымянный волнистый попугайчик был никому не нужен.

Октябрина согласилась ухаживать за питомцем за снижение аренды. Не каждый раз встречаешь попугая, который любит беседовать сам с собой, будто это две птицы, а не одна.

«Настоящий Тайлер Дерден²,» – подумала тогда Октябрина и назвала так попугая.

Вдруг запищал телефон. Октябрина сразу поняла, что это был Роман.

– Где ты будешь сегодня? Встретимся вечером? – Она прочитала его сообщение вслух, словно он на самом деле произнес это глубоким и спокойным голосом. Пусть забирает, но как можно позже. Он не будет ругаться, ему все равно. Он никогда не ругается. А ей нужно побыть там.

Из квартиры Октябрина всегда уходила так, чтобы Галина Георгиевна не видела. Достаточно всего лишь попрощаться и сказать, что ночевать может не приехать. Старушка не поддерживала такой стиль жизни, но и не противилась. Может, про себя она и осуждала выбор Октябрины, может, даже рассуждала об этом с телевизором или доказывала что-то Клюкве, когда та выходила из комнаты и садилась на спинку дивана. Может, даже догадывалась о чем-то. Октябрина не грустила. Галину Георгиевну даже жаль – все-таки без Октябрины ей и поговорить утром не с кем.

Улица дышала прохладой. Октябрина сделала глубокий вдох, и голова ее закружилась. По темноте переулков она до-

² Персонаж и главный антигерой романа «Бойцовский клуб» и снятого по его мотивам одноименного фильма.

бежала до остановки. Натянула медицинскую черную маску, оставшуюся у нее со времен пандемии, и шла, не боясь быть узнанной. К таким как она все равно не приглядываются.

Изменения – тоже своего рода эскапизм, только форма его зависит от степени отчаяния, поэтому каждый раз, когда представлялся случай, Октябрина превращалась в других людей. Может и для собственной безопасности. Никто не узнает ее, даже она. В черном платье с рваным многослойным разрезом, в черных кроссовках, чтобы можно было убежать, в черном плаще, застегнутом на три пуговицы, в черном парике Октябрина чувствовала себя героиней фильма. Быть собой постоянно наскучило, а, может, никогда веселым и не было. Стоило добиться того, о чем мечтала, – захотелось большего, но большего пока Октябрина не придумала и не знала, откуда вытащить мечты. Они будто вывалились через дырку в пакете надежд. А, может, пакета и не было.

Ей нужно проехать половину пути в одиночестве. Настроиться, подумать и выпустить все мысли, навеянные другой жизнью. Нужно своровать личность, которую захочется играть весь вечер. Полчаса до пути к себе. Разве это много?

Музыка в наушниках такая громкая, что пульсировала, кажется, во всем организме. Рядом кто-то разговаривал, смеялся, кто-то громко дышал, но ничего на самом деле не было. Был только горячий поток звука, стремительно протекавший до пяток. Октябрина замерла.

Здесь, в переполненном автобусе, где каждый – часть че-

го-то целого, огромной человеческой многоножки, можно дышать. Бок незнакомца касался локтя и ноги Октябрины, кто-то стоял, прижимаясь к ее спине, и сбоку, поглядывая в монитор телевизора с курсами валют, стоял еще один мужчина.

Сегодня они – фон. Массовка, найденная по дороге. Их нет. Никого нет. Ничего больше нет.

Головная боль горячими потоками протекла по лбу. Будто невидимая рука распоролa череп и кровь стекала вниз, огибая брови, прочерчивая алые линии вдоль носа, по контуру губ. Высуни язык, попробуй на вкус – сладкая. Уши горели, руки покрылись мурашками. Октябрина провела ладонью по волосам и, казалось, коснулась шелка. Это были не ее волосы. Не ее руки. Не ее ноги.

Когда-то давно, еще до взрослой жизни, до университета, быть на людях казалось невыносимым. Каждый, казалось, смотрел осуждающе, провожал взглядом. Каждому, казалось, есть дело, а родители только подтверждали – каждый шаг отслеживался. Но будущее открыло ей истину города: всем все равно на незнакомцев. Каждый прохожий в толпе – мертвец. Каждый день, в автобусе, когда на сорок минут можно слиться с толпой, скрепиться спинами, локтями, отведенными ногами, дышать одним воздухом, разогревающимся с каждой остановкой без открытых дверей, и провожать попутчиков в последний путь. Каждый день они исчезают и – умирают, и даже если вы встретитесь еще раз – это

будете не вы, а кто-то другой.

Мир сузился до трясущегося изображения в фокусе. Все лица затемнены, расплываются на фоне. Черные капли медленно стекают по окнам автобуса. Камера наведена на ее лицо – она улыбается, лишь немного приподнимая уголок красных губ. Глаза темные, на экране крутится гипнотическая загрузка, отблески огней софитов из мимо пролетающих окон домов: люстры, фиолетовые лампы для рассады, фонари, чужие экраны телефонов.

Светите. В другой день вам бы приказали потухнуть, но сегодня – светите, освещайте только ее лицо.

Она – главная героиня музыкального клипа, песню из которого вставят в молодежный сериал о вечеринках и первой любви.

Она – референс для уличных фотографий с ретро фильтром.

Она – искусственная красавица, чьи фотографии ставят на заставку на телефон.

Она – женщина, кем хотят стать, но боятся потеряться. Ей не страшно. Ненайденное потеряться не может.

Прислонитесь к ней, прильните телом, слейтесь в единое, ближе, теснее, чтобы не осталось ни сантиметра между телами, дайте ей положить голову вам на плечо и почувствовать, что рядом кто-то живой. Позвольте ей удостовериться, что все – реальность, и она исчезнет. Ее здесь никогда не было. Для вас она – всего лишь человек, который растворится в

прохладе улицы, стоит ему только переступить порог автобуса. Она умрет, как только вы перестанете смотреть.

Октябрина закрыла глаза, вдохнула сыроватый воздух автобуса. Волна мурашек пробежала от шеи к спине. Она улыбнулась. Может, будь это наяву, они бы запомнили ее, как и розовое небо над мостом.

Октябрина выпрыгнула на остановку в самом центре, на площади, над которой розовый закат уже остывал. Улица пахла летом. Октябрина дошла до клуба. Опять писал Роман. Октябрина потушила телефон. Здесь его нет. В этой жизни Романа никогда не было.

Клуб находился в подвале девятиэтажного дома. Вывеска – два огромных глаза и две ноги из каждого зрачка. Посетители в шутку называли вывеску «Чужим», хотя в очередях в туалет или за барной стойкой чувствовали себя как дома. Октябрина остановилась у входа. Варя, конечно, уже внутри. Она сегодня не работает, пришла пораньше. Одна ли? Утром она жаловалась на головную боль, но все равно пришла.

Октябрина помнила этот клуб. Стоит спуститься, как увидишь их: высоких и низких, накачанных и тощих, в пропахших одеколоном и потом футболках, в обтягивающих брюках, с хищной ухмылкой и железными намерениями. Октябрине такие не нравятся. Роман не похож на них: он пусть и высокий, в форме, но пахнет приятно, следит за собой. Ему есть, для кого стараться – он старается вдвойне.

«Это всего на один вечер. Ты же любишь такое», – всегда

говорила она себе, когда стояла у стенки с бокалом безалкогольного пива или танцевала с каким-то мужчиной, которого видела всего раз, на несколько минут. Один вечер и – вы мертвецы друг для друга. Они друг друга не вспомнят. Незачем усложнять.

Однако в тот вечер Октябрине было не по себе. То ли тон утренних сообщений Романа не понравился, то ли без Жени было одиноко, но она заставляла себя зайти в клуб минут десять, пока на ветре совсем не продрогла. Тогда поняла: пора.

Синеватый свет. Фиолетовые сиденья у барной стойки в форме волны. Человек пятнадцать, рассеялись, пока не подходят друг к другу, смотрят, будто пришли на выставку. Варя в углу. Красный комбинезон, яркая помада.

– Я думала, ты вообще не придешь! – воскликнула она и перекричала музыку. Микс из радио-хитов. Каждый раз играют.

– Женя не придет. – Октябрина села напротив. – Ты что-то хотела сказать?

– Да тут кошмар! Нет, на пустой желудок такое обсуждать нельзя. Ты что будешь? – Варя вытащила телефон и открыла фотографию с картами напитков.

Октябрина думала об этом моменте, когда была еще дома. Завтра выходной, но весь день кружилась голова. Если выпить что-то крепкое, станет еще хуже, а стоять над унитазом весь день в планы не входило. Но Варя уговорила.

Октябрина раньше брала что-то в бутылке. Однажды про-

читала, что могут подсыпать девушкам в клубках в коктейли и чем это чревато, так что выбирала между пивом и сидром. Но Варя уверяла: в этом клубе их знают, ничего не подсу-нут. И все же Октябрина долго не прикасалась к цветастому напитку и только водила кончиком зубочистки-зонтика по краям стакана.

– Ты представляешь, что сделал Коля? Ты просто не пред-ставляешь! Я совсем не чувствую себя женщиной, я какая-то домработница. – Варя потрясла головой, и отросшие на ма-кушке волосы наклонялись как травинки на ветру.

– А что не так? У вас же все было хорошо, он же не как Паша.

– Паша был еще нормальный! А Коля вообще очумел! – Варя отпила еще немного из бокала. – Представляешь, он возмущается, что я готовлю всего три раза в неделю. Видите ли, ему не нравится два раза подряд есть один суп! Тогда я ему говорю, давай я буду варить бульон, а ты будешь возвра-щаться и заваривать себе то, что тебе хочется. Так нет, он за-варивать не будет. Он вообще с едой управляться не умеет! Представляешь, в тот день, когда ты вот пойти не смогла с нами, мы поехали на шашлыки. Тебе Женя не рассказывала? Она ездила, клевала одни овощи жареные. Нет? Ну ладно. Он короче даже мясо приготовить не может. Чему его роди-тели учили? Как он вообще один жил?

– Он разве жил один? Ты говорила, что до тебя он жил с...

– С Мариной какой-то он жил. Я не понимаю, что он в ней

нашел. Баба как баба, причем не особо симпатичная. И ноги у нее кривые. Ну короче не знаю. Надо что-то решать. Пора на ком-то остановиться, хочу семью.

– А ты думаешь, он тебе хорошим мужем будет?

– Да кто ж его знает. Главное, чтобы я женой хорошей была, тогда ему захочется быть лучше. Может, даже научится себе еду разогревать в сковородке. А то до сих пор просит ему яичницу пожарить.

Октябрина поводила трубочкой по доньшку стакана. С Варей она познакомилась через Женю: они учились вместе в школе, потом общались, иногда встречались, когда Женя училась в университете, а Варя работала после колледжа. После Жениного выпуска они встречались каждую неделю, и, чтобы совместить приятное с социально полезным, как-то Женя привела в клуб на встречу с Варей и Октябрину. Первый шаг к традиции.

– Ты уверена, что он изменится? Вы же с ним помолвлены. Ты раньше не видела, что он бытовой инвалид? – спросила Октябрина.

– Да видела конечно, но думала, что к свадьбе он изменится. Может, его сначала брак, а потом дети исправят... А ты знаешь, что Яна сделала?

«Она будто ждала меня, собирала несчастья целую неделю, чтобы наконец поделиться», – подумала Октябрина, но перебить Варю она не решилась и еще минут двадцать выслушивала рассказ об обнаглевшей подруге Яне, которая ис-

пользует Варю в собственных целях, о том, как Коля надоел с ревностью, но все-таки отпустил в клуб, как родители напоминают о том, что родить нужно до двадцати пяти, пока организм еще здоровый и выносить ребенка намного легче. К концу сознание Октябрины затуманилось, слова Вари долетали словно через толщу воды. Варя – рыба. Открывает рот, лупит глаза, но ни звука не слышно.

Людей в клубе набивалось все больше, в основном мужчины. Были и девушки, но либо сбившиеся в группы, либо с парнями, так что для остальных посетителей клуба они как бы не существовали.

– Ты какая-то невеселая. – Услышала Октябрина.

Варя звякнула бокалом о стакан Октябрины. Девушки встретились взглядами. Октябрина даже разглядеть лица Вари не смогла.

– Да на работе что-то устала. С головой что-то не в порядке, мигрени, недосып. Я бы взяла перерыв. Ни мне, ни детям моя усталость не идет на пользу.

– Это же твой выбор был. Наша жизнь – это только перечень наших выборов, мы сами за них расплачиваемся. – Варя допила остатки.

– При чем тут мой выбор? Мне нравится моя работа, просто...

– Когда ты последний раз была у врача? А когда ты в последний раз ходила к психологу?

Октябрина хотела ответить: два месяца назад и никогда.

Но промолчала.

– Наша жизнь – это наши выборы. У тебя же есть один диплом, получи новую профессию. Ты что, не знала, что учителем быть сложно? Курсов вон как много, можно взять в рассрочку, выплатишь потом. Две работы многие совмещают.

Октябрина слышала это столько раз, что выработала иммунитет. Хотела было напомнить, что Коля – тоже выбор Варе, что мужчин на планете столько, что представить сложно, но промолчала. Ругаться без повода Октябрина не любила.

– Ты права, – согласилась Октябрина и осушила стакан. Лед попал в рот, хрустнул на зубах. – Хорошо, что у тебя в жизни все налаживается. Надеюсь, с Колей разберетесь.

Варя продолжила говорить о том, как Коля сделал ей сюрприз после того, как накричал на нее из-за ревности. Октябрина же подперла подбородок ладонью и смотрела на танцпол.

Мужчина смотрел на нее. Его имя не важно, даже внешность не особо важна. Высокий, в какой-то яркой и специально купленной для клуба одежде. Музыка пульсировала в висках Октябрины. Кровь двигалась под бит, сердце сжималось каждый раз, когда утихала музыка. Руки Октябрины задрожали. Похож, как же на него похож.

– Я пойду потанцую, хорошо? – сказала она Варе.

– Ты же не особо любишь танцевать.

– Мне нужно отдохнуть. Ни слова, – прошептала Октябрина, но Варя слышала и улыбнулась.

– Я все равно твоего парня никогда не видела. Кому я расскажу?

– Даже Жене, хорошо? Никому.

Варя кивнула, а Октябрина все равно надеялась, что приятельница нигде не скрестила пальцы.

Чем ближе к нему подходила Октябрина, тем больше незнакомец становился похож на него. Святослав. Одноклассник, за которым она следила от школы до его дома. Его страницу «ВКонтакте» Октябрина знала наизусть, следила, каких друзей он добавлял, некоторых даже видела в школе. Во время его физкультуры она была неподалеку. В столовой, когда Святослав, тряхнув золотистой шевелюрой, покупал пищу и садился за стол, Октябрина сидела наискосок от него и пила сок из коробочки. Каждый раз, когда он смеялся над чем-то, а девушка была неподалеку, запоминала тему и шутку. Дома у Октябрины хранился целый блокнот, посвященный Святославу. До десятого класса Октябрина вздыхала о нем издалека, не разговаривала, даже не писала в сети. Но одноклассница прознала, позвала на празднование первого сентября. Десятый класс, вечеринка, на которой он, всегда особенно умный, вежливый, остроумный и уважительный, показал себя со страшной стороны. Октябрина до сих пор не могла забыть ту ночь, его шепот и прикосновения. Хотелось скрестить ноги, когда вспоминала это.

– Как тебя зовут? – Незнакомец прошептал ей.

Октябрина положила руки на плечи незнакомцу. Она не

теряла времени – знала, что выйдет из клуба так, словно ничего не было. Они никогда не увидятся, он никогда не узнает ее на улице, никогда не попросит ее телефон. Когда обращаешься тенью, можно не бояться, что тебя заметят, – ночью тени не разглядеть.

– Ксюша, – сказала Октябрьина и улыбнулась.

– Такое красивое имя. – Он улыбнулся тоже.

«Самое обычное, просто так не найдешь потом», – подумала Октябрьина.

– А я Дэниел, – выдохнул мужчина Октябрьине в ухо.

Октябрьина смогла подавить смехок. Дэниел в жизни обязательно Даня.

– Ты одна? – Октябрьина почувствовала чужие руки на талии. Складок на платье много, чтобы пьяный человек в них закопался. Но Даниил-Дэниел пьяным еще не был.

– Я ведь с тобой, какое тебе дело? – Октябрьина улыбнулась и сделала шаг к нему.

Дэниел решил, наверное, что дела никакого ему нет. Руки его быстро устроились так, чтобы касаться как можно большей площади голой кожи Октябрьины. Он что-то шептал ей на ухо, а Октябрьина делала достаточно движений, чтобы Дэниел не захотел отстраняться, но и на большее не рассчитывал. Правильно ли делала, Октябрьина не знала, но ни один из мужчин после клуба не звал ее с собой.

Она встречала таких, как Даня-Дэниел на сайте знакомств. Октябрьине они часто попадались – начиналось все

с простого «Привет». Затем – «Как дела?» или «Ты такая красивая!». Иногда попадались даже сообразительные, которые на двух фотографиях в профиле Октябрины умудрялись найти что-то такое, к чему можно прицепиться. «У тебя есть животные? У меня есть собака». Или «Я вижу, ты в наушниках. Интересно, какую музыку может слушать такая красавица?». В такие моменты Октябрина даже обретала надежду, отвечала. Но ответ от многих был один – обнаженные фото. Конечно, попадались и хорошие парни, с парой таких она даже ходила на свидания, но дальше посиделок с кофе дело не доходило. Только с Романом все как-то случилось. И то – они встретились в жизни.

Лицо Дэниела было удивительно похоже на лицо Святослава. Такие же крупные черты, большой нос, тонкие губы, светлые волосы.

– Ты так хорошо двигаешься. Ты всегда такая? – пробубнил он ей в волосы. От него пахло дорогими духами.

Октябрина не ответила. Посмотрела в лицо мужчины, улыбнулась. В его глазах написано, что он не собирался ехать домой один.

Октябрина повернулась к нему спиной, провела по его груди лопатками.

– Сегодня. – Октябрина улыбнулась. – А ты долго танцевал один? Никто не подходил?

Дэниел попытался залезть ладонью Октябрине под платье, но она ловко повернулась, и рука Дэниела выскользнула,

провела только по бедру. Он покраснел.

– Я, видимо, ждал только тебя, – ответил он и жадно прижал ее к себе. В глазах его было все: он уже представлял, как вез ее куда-то, может, даже не вез, а вел до ближайшего угла или даже туалета.

Октябрина не знала даже, смотрит ли Варя, но понимала, что ей все равно. Всем все равно. После тяжелого дня хотелось ощутить хотя бы чьи-то прикосновения, хотя бы прикидывавшиеся нежными.

На танцполе пар все больше. Темноте разрежена голубыми лучами. Руки Дэниела все ниже, но Октябрина не пыталась его остановить. Ему будет, что рассказать. Пусть хоть так о ней поговорят. Пусть хоть так запомнят. Октябрина подумала о родителях, когда рука Дэниела провела по ее животу. Что бы они подумали, если бы узнали, что она делает?

Телефон зазвонил не вовремя. Октябрина ставила на беззвучный все контакты кроме одного. Опынение как рукой сняло.

– Мне нужно выйти, – проговорила она и отстранилась.

Мужчина опешил. Когда Октябрина отошла, все еще стоял в прежней позе и ждал, что она снова подойдет, прижмется к его разгоряченному телу. Но Октябрина уже бежала на улицу. Никто следом не пошел.

На остановке, у стоявшей на «аварийке» машины, ждал Роман. Руки скрещены перед грудью, лицо напряжено.

– Мы уезжаем, – сказал Роман.

– Я только приехала. Я никуда не поеду, мне весело тут!

– Ты поедешь. – Он подошел к ней и взял за локоть. Сдавил несильно, но достаточно крепко, чтобы понять – не отпустит. – Нечего тебе тут делать.

– А ты откуда знаешь? – хохотнула Октябрина.

– Просто знаю и все.

– Все вы все знаете, но никто не хочет спросить меня! Ты не заберешь меня просто так! – засмеялась Октябрина, но почувствовала, как ресницы стали влажными. Она плачет? Не хочет ведь. Ей было весело.

Влага застилала голубые огни вывески. Роман что-то сказал, потянул за собой, и Октябрина пошла. Хватка его железная, противостоять бесполезно. Октябрина поглядела под ноги. В груди тяжело, словно пуля застряла в сердце и не дает ему нормально биться. Даже дышать можно через раз.

– Пристегивайся, – сказал Роман. А потом добавил. – Тебе дать воды?

Октябрина то ли покачала головой, то ли смогла выдохнуть отрицание, но Роман отстал. Она пристегнулась дрожащими руками. На теле, казалось, все еще чувствовались прикосновения незнакомца из клуба. Теперь они казались липкими, холодными и тошнотворными. Хотелось помыться, стереть их с себя, но душа в машине Романа не было. Пришлось взять из бардачка салфетки и вытереть хотя бы шею.

– Примешь душ, когда приедем. Тебе надо бы умыться.

Октябрина уже представила, как будет тереться отельной мочалкой до красных пятен на коже. Стереть вечер с тела – не проблема. Осталось стереть их из памяти, а вот с этим проблемы. У Октябрины дома не было ничего крепкого, а Роман почти не пил и ей не разрешал.

– Хорошо, – выдохнула она и сморгнула влагу.

Октябрина отвернулась к окну и закрыла глаза, чтобы слезы не катились по щекам. Каждый раз она приходила в клуб с надеждой, что хотя бы с кем-то там нормально поговорит. Может, в очереди в туалет появится девушка, с которой можно будет обсудить проблемы, выплакаться в жилетку или короткий топик. Может, среди танцующих на танцполе парней нашелся бы тот, кто мог бы увидеть в ней что-то кроме короткого платья и парика, кто-то, кто мог бы посмотреть в ее грустные и выцветшие глаза и спросить, все ли нормально. Но Октябрина в ошибалась и понимала, что делала одну и ту же ошибку из раза в раз. Здесь у всех все «нормально», какой бы кошмар ни творился дома, и ее внешний вид специально старательно подбирался для того, чтобы показывать ее с совершенно беззаботной стороны.

– Мы едем в новый отель? – спросила Октябрина тихо, когда открыла газа и увидела незнакомую дорогу. Роман сидел неподвижно, только руки крутили руль. Он даже не моргал.

– Мы не в отель едем. – Он выдохнул и потер глаза пальцами. Скульптура треснула. – Мы едем ко мне.

– Но ты...

– Никого нет. Я сказал, что мы поедem ко мне.

Пререкаться у Октябрины не было сил. Весь мир, казалось, шел на нее войной, а у нее не было сил даже прокричать о помощи. Ей вдруг стало все равно.

Глава пятая

Шершавые толстые пальцы обожгли холодом бедра. Дыхание у уха тяжелое, частое, горячее. Запах чистого белья смешивается с его запахом. Колючая щетина царапает ухо. Спешил. Без одежды уже холодно, но придется ждать, пока тепло вернется. Это случится не сразу.

Мерные покачивания, тихий скрип подголовника кровати, стук о стенку. Хорошо, что соседей у Романа нет, никто не услышит. Сильная рука сбоку от головы, вены над ладонью набухли. По лбу Романа стекает соленая капля, и Октябрина следит, как она течет сначала над правой бровью, потом перемещается на переносицу и останавливается на кончике носа. Октябрина закрывает глаза и поворачивает голову. Капля падает ей на ухо, и Октябрина поворачивает голову снова, вытирает ее о подушку. Роман широкий, каким и должен быть мужчина его возраста. Тяжелый, если не будет удерживать себя на руках, раздавит Октябрину. Иногда она задумывается о том, что их разница в весе – почти ее вес. Словно их разница в возрасте лежит на ней горячим грузом. В Романе две Октябрины, одна настоящая, а другая – скрывающаяся. Октябрина закрыла глаза. Все-таки Роман не просто как никогда не включал свет.

Они редко засыпали вдвоем, но в этот раз Роман не отпустил. Накрыл одеялом, притянул к себе рукой и громко за-

дышал в ухо. Кажется, все еще не отдохнул.

– Я так скучал по тебе, – сказал он и поцеловал ее в макушку.

Утро наступило быстро. Выходные Октябрина привыкла встречать у себя, и обстановка комнаты Романа показалась ей незнакомой. Светлое дерево, дорогой гарнитур, блестящие обои. Его жена приложила руку к ремонту, но она уехала на неделю, вернется только во вторник.

Октябрина услышала голос Романа с кухни: пройти по коридору, свернуть направо. Кажется, она успела разглядеть кусочек гарнитура вчера вечером, когда Роман включал свет. Ванная комната у спальни. Октябрина сняла с приставленного к стене кресла свою одежду, кое-как оделась. Надевать все глупо, все-таки не клуб, но хотелось хотя бы прикрыться от неизвестного чувства, которое в квартире было везде. В светлой ванной пара зубных щеток, новые полотенца с вышивкой и бусинами, подставка с кремами, о которых Октябрина могла только мечтать. Ей на такие работать и работать, а ведь они кончаются быстро. У унитаза диффузор с запахом хлопка, аккуратные ровные палочки. На стиральной машине стопкой сложены бежевые полотенца. Над ванной на подставке средства для душа – два средства для Романа, остальные для жены. Октябрина выдавила на палец немного зубной пасты и отвернулась. У нее был такой же гель для душа, как и у жены Романа. Кому он подарил его раньше, ей или жене? Не спросить, а хочется.

– Ты проснулась рано. Я думал, ты спишь дольше, – сказал Роман и положил на тарелку два кусочка яичницы. – Даже умылась.

– Рабочая привычка не спать, – ответила она. Кожа еще горела после холодной воды. Вытирать лицо пришлось туалетной бумагой, чтобы лишний раз не прикасаться к чужим полотенцам.

– Кать, как тебе моя квартира? Не помню, была ты тут? Мне кажется, ты тут впервые.

– В отелях привычнее, – сказала Октябрина и оглядела стол, который накрыл для нее Роман. Омлет, жареный хлеб, порезанные яблоки, даже пирог. Он не пек пирог, не скажет, что не готовил. Не признается, что это пирог его жены Екатерины. Наверное, она старалась.

Октябрина откусила кусочек и почувствовала, как на языке рассыпался привкус духов жены. «Диор», может, «Дольче и Габбана». Октябрина приносила пробники таких духов домой, но не могла позволить себе часто ими пользоваться. Девушка наколола на вилку еще кусочек. Красная начинка, малина, раскалывается и красит тарелку брызгами алого. Она видела его жену. Она будто знает ее. Если бы у Романа был ребенок, вполне мог учиться у нее в классе, отвечать на уроках или вовсе быть ее однокурсником в университете. Он мог бы даже закончить раньше на пару лет, если бы Роман и его жена затеяли ребенка чуть раньше, чем ее родители. Октябрина снова отколола кусочек пирога. Кажется, Октябрина

съедает его жену по кусочку. Между зубами застрял короткий волосок. У жены Ромы короткие светлые волосы. Октябрина видела ее на фотографиях.

– Тебе нравится моя квартира? – повторил Роман и подлил ей кипятка в чай. – Ты вечно пьешь холодную воду, а не чай. Так не принято.

– Не принято кем? – попыталась улыбнуться Октябрина и отломилла еще кусочек пирога. На вкус как пальцы. Еще немного и почувствуешь хруст ногтей на зубах.

– Везде, где я был, пьют горячий или теплый чай. В холодном чае вкус чайных листьев не раскрывается, – сказал Роман и протянул руку за телефоном. Он взял его одной рукой, уложил в центр ладони и второй, уже свободной рукой, начал листать ленту новостей. – Курс опять повысился. Но все равно придется покупать здесь хотя бы часть. Мне еще с двумя пересадками лететь.

– Почему не купить там? – спросила Октябрина, сделала глоток чая и обожгла язык. – Там... Там же должна быть валюта.

– Иногда они не выдают больше определенной суммы наличными, а мне на карту переводить нельзя. – Роман отпил чай и снова замахал пальцем по экрану. – Я лучше наличку в карманах привезу, чем заплачу огромные налоги. Да и время есть, успею.

Пирог жены на тарелке быстро кончился, а брать больше Октябrine показалось неприличным – она уже достаточно

принадлежавшего жене Романа потрогала и отобрала, чтобы съесть ее пирог. Куда и когда Роман уезжал, Октябрьина не знала. Он работал в международной компании, названия которой никогда не говорил, занимался продажами. Начиная, как и многие мужчины его поколения, инженером. Так бы и работал, наверное, рабочим на заводе, если бы в девяностые не подсутился и не начал бы дружить с правильными людьми. Октябрьине он второй год говорил одно и то же: «Дружи с правильными людьми, бери пример с меня», но так как «правильных друзей» у Октябрьины так и не появилось, а со своими друзьями Роман ее знакомить не собирался, слова его оставались просто словами.

– Сколько тебе еще дней работать? – спросил Роман и раскрыл леденец.

Он пил чай с леденцами или конфетами с приторной сладкой начинкой, от которой у Октябрьины сводило зубы. Октябрьина поглядела на вазочку с конфетами и заметила среди трюфелей, австрийских конфет с Моцартом на обертке и упаковок, которых Октябрьина раньше не видела, «Коровку» и батончики «Рот Фронт». Иногда Галина Георгиевна приходила из магазина и выкладывала на кухонный стол пакетики с конфетами. В каждом пакетике не больше шести конфет и среди оберток всегда были «Коровки» и батончики с красных упаковок.

– Дней? Не знаю, немного, но я особо не считаю, – прошептала Октябрьина и сглотнула. Привкус «Коровки» она

ощутила, даже не откусывая от конфеты и кусочка. Вязкий, ядерно-сладкий, приклеивающийся к зубам вкус, который не запить даже горячим чаем.

– Ну, в июне ты свободна будешь? – Скомканный фантик раскрывался с потрескиванием словно выброшенный из ковра уголек.

– Не сразу, но буду. А что?

– Хотел съездить с тобой куда-то. – Роман провел рукой по выбритый щеке и пригладил седевшие волосы. – Мы ни разу вдвоем никуда не выезжали. Отдохнуть бы тебе не помешало.

Светлые стены слепили. Белая кухня, стол из бежевого дерева, такие же стулья. Тарелки с цветочной каемкой, фигурные столовые приборы: ручки с узорами. Оранжерея на подоконнике, каждый цветочек в новом горшке. Под часами совместная фотография Романа с женой: стоят на фоне водопада. Октябрина хотела спросить, где этот водопад, но другой вопрос сорвался с языка:

– Ты женат, как это возможно?

– Что возможно? – Он взял еще одну конфету, «Мишку на севере», развернул сначала бумажную обертку, потом фольгу и скомкал их в шарик. – Мы же будем отдыхать без моей жены. Ты и я.

– А что ты скажешь своей жене?

– А что я говорил раньше, тебя не волновало. – Он улыбнулся.

– Раньше мы никуда не уезжали.

«Раньше» Октябрина произнесла тихо. «Раньше» – уже почти два года. Два года они видятся, переписываются и скрывают, что знакомы. Никто из подруг Октябрины не знает даже, сколько лет Роману.

– Если тебя беспокоит, скажу, что уехал в командировку. Она все равно скоро. Но жена в любом случае против не будет. Мы почти в свободных отношениях.

– А это обязательно? Мы же и так нормально жили.

– А что бы и не поехать? – Роман улыбнулся. – Я вот тебя у моря часто представляю. Тебе бы очень подошел тот купальник, который я тебе купил. Ты же его не выкинула?

– Не выкинула, лежит у меня дома.

– А ты не надевала его еще? – Роман взял новую конфету.

– Надевала один раз, в бассейн ходила с подругой.

– Надо будет после хлорки постирать. Пусть лучше солью напитается.

Октябрина часто думала о том, что на самом деле делал Роман в командировках. Чем он торговал? Сколько дней на самом деле тратил на одну сделку? Может, в другом городе его тоже ждет какая-то девушка, может, младше и красивее Октябрины, и собирает чемодан в их поездку на двоих, о которой «никто все равно не узнает». Но ревновать глупо, особенно, когда изменяют с тобой. Особенно, когда утверждают, что в этом нет ничего дурного и что жена не против.

– Я хочу отдохнуть, понимаешь? – спросил он. – Куда-то

подальше отсюда, в другую страну.

– У меня нет заграничника. Его делать сейчас долго.

– Это не проблема. Есть страны, куда не нужен заграничник.

Он сказал это так, как говорил и раньше. Он говорил так в первый год почти каждый раз, когда Октябрина сталкивалась с трудностями.

Октябрина помнила, как они познакомились. Многое в жизни забывала, но это воспоминание зарубцевалось в ней навсегда. Это случилось еще в университете – Роман приехал в их корпус заключать договор на поставку чего-то. Встреча в лучших традициях кино: пересеклись взглядами в коридоре, Роман улыбнулся, Октябрина – потупила взгляд. Она помнила этот день так, словно каждый раз, когда они с Романом встречались, день случался заново. Фойе университетского корпуса: стойка охранника, играющая у него телепрограмма на телевизоре за стеклом, шум спешащих после третьей пары студентов, шелест тетрадных листов в пустоте, грохот банок, отправляющихся в мусорное ведро, звуки расстегивающихся молний, руки, достающие из боковых карманов и со дна сумок студенческие билеты, шум кофейного автомата, у которого стоит Женя и ждет, пока в маленький пластмассовый стаканчик наберется ее кофе без молока. Женя что-то говорит, но Октябрина не слышит. Роман стоит напротив входа, разговаривает с кем-то из начальства университета. Он беседует с женщиной в водолазке, а смотрит на нее и улыбается. Ровная спина, почти военная выправ-

ка, но расслабленная поза, чистый и выглаженный костюм светло-голубого цвета, чтобы его сразу было заметно, а под длинными брюками со стрелками – белые кроссовки, которых, казалось, не касалась пыль. Может, он летел над землей или остановил машину у входа, чтобы не испачкаться. Октябрина видит, как человек в водолазке уходит, а Роман остается. Октябрина говорит Жене, чтобы та шла на пару без нее. Женя спрашивает, что случилось, а Октябрина говорит, что нужно срочно сходить в отдел практик или что-то в этом роде. Сказала что-то, чему Женя поверила. Женя ушла. Запах порошкового кофе из автомата, явно не стоивший столько, сколько за него просили, затерялся в волосах Октябрины. Роман пошел в ее сторону, и Октябрине показалось, что он пройдет мимо, но у автомата остановился.

– Не подскажите, насколько хорош здесь кофе? – Его голос оказался низким, с хрипотцой.

– Мерзкий, почти дерь... – Октябрина запнулась и почувствовала, как щеки налились огнем. – Не нужно его здесь брать, вы лучше на улице в кофейню зайдите.

– Неужели все так плохо? – С улыбкой он выглядел моложе. – А почему же вы тогда покупаете его здесь?

Октябрина думает, что не может позволить себе каждый день ходить в кофейню и брать там кофе, но отвечает:

– А я и не беру. Я стояла с подружкой.

– А кофе вы любите? – Он выпрямился. Намного выше ее, а Октябрина не Дюймовочка.

Когда Октябрина отвечает, что против кофе ничего не имеет, он вдруг говорит:

– Пройдемся? Я покажу вам самый лучший кофе.

Октябрина не могла сказать ничего. Она подняла сумку с пола, закинула на плечо. Октябрина не потрудилась даже отряхнуть донышко сумки, и пыль посыпалась с черной ткани на пол. Он спросил ее имя, она ответила. Его зовут Роман – он произнес имя с рычанием, улыбаясь. Октябрина хотела было спросить его полное имя, но Роман словно предвидел и предупредил, что не любит, когда его зовут по имени и отчеству. Спросил, сколько Октябрине лет, а когда услышал заветную цифру, улыбнулся шире.

«Интересно, если бы он услышал цифру меньше, позвал бы?» – подумала Октябрина, пока доставала студенческий со дна сумки. Дольше, чем следовало: Роман начал смотреть на часы. В фойе никого нет, а это единственный раз, когда их могли бы застать вместе.

Позже Женя узнает, что Октябрину срочно отправили в место практики, подписать документы. Октябрина про себя ликовала: впервые ее пригласил на свидание (а она не сомневалась, что это именно свидание) не сверстник, у которого нет денег на попкорн в кино, а состоятельный красивый мужчина с работой и в костюме. Его нельзя упустить.

Само же свидание Октябрина помнила плохо. Роман заказал два кофе с мудреными названиями и два десерта, но сам почти ничего не ел и задавал множество вопросов, боль-

шую часть которых Октябрьина не могла вспомнить после того, как вышла из кафе. После первого свидания одна летела домой с улыбкой, иногда останавливалась и смотрела на новый номер в «контактах» в телефоне. Она чувствовала себя главной героиней, но потом в жизни все оказалось совсем не так красиво, как в фильмах.

С каждым днем Роман разворачивался как капуста, отрывал от себя листик за листиком и оставался обнаженным. Его нагота Октябрьине сначала не нравилась, а потом девушка привыкла.

Роман почти полгода скрывал, что женат, а следующие полгода потратил на то, чтобы уговорить Октябрьину думать, будто их встречи в порядке вещей. Он с женой вместе только из-за имущества, им невыгодно его делить. Но между ними ничего нет. Первый год Роман с Октябрьиной почти не виделись: Роман уезжал из командировки в командировку, встречался с ней в отеле. Разлука напитала фантазию Октябрьины, и девушка думала, что Роман на самом деле договорился с женой. Он даже утверждал, что его жена тоже ездила отдыхать с другим мужчиной. Октябрьина жила с мыслями о том, что Роман на самом деле хороший, а если и не слишком хороший – то во всяком случае тот, которого она заслужила.

До того, как они начали видаться часто, Октябрьина и поверить не могла, что когда-то узнает Романа с обыкновенной, «человеческой» стороны, которой, как ей казалось, у него нет вовсе: высокий, в костюме, белые зубы, прорежен-

ные аристократичной сединой волосы. Роман казался картинкой, но оказалось, что он тоже разбрасывал вещи, храпел и даже не всегда расчесывался. Роман громко разговаривал по телефону, плевался, когда никто не видел, бросал окурки на газоны. Он не всегда слушал, а когда слушал, не всегда слышал. Но он просто человек, Октябрина понимала. Даже если он не слушает ее, хотя бы находится рядом, на расстоянии звонка в те часы, когда его можно сделать безопасно. В остальное время – его можно найти хотя бы на расстоянии сообщения. Они записаны друг у друга так, что никто никогда не догадается, кто скрывается за номером.

Через несколько месяцев после начала частых встреч, Октябрина почему-то почувствовала, что надо уйти, но в жизни замены Роману не нашла. На сайтах знакомств, среди сотен мужчин, – тоже. И осталась.

Когда Октябрина уже обувалась, из кухни вышел Роман и протянул ей букет маленьких белых цветочков, похожих на коробочки хлопка.

– Она не видела его? – прошептала Октябрина и не сразу взяла букет в руки. Он мокрый, только из вазы.

– Она вернется во вторник. Любые цветы за это время завянут.

Он стоял в дверях кухни. За спиной его – белые скатерти и чашки, подобранные под цвет гарнитура, домашние пироги. Чужие руки создали этот дом, но другие руки им пользовались. Октябрина открыла дверь.

– Ты точно не хочешь, чтобы я тебя подвез? – спросил Роман.

Октябрина, не оборачиваясь и не смаргивая слезы, собравшиеся в уголках глаз, сказала:

– Нет, я сама. Пока. – И через несколько секунд скрылась в темноте лестницы. Цветы она так и не взяла.

Как дошла до троллейбусной остановки, Октябрина не помнила. До нее далеко, но время пролетело быстро. Асфальт под ногами новый, после ночного дождя поблескивал, а мимо, по дороге, проезжали машины и поливали ее водой. День предстоял жаркий.

По дороге домой Октябрина открыла папку с файлами на телефоне. Название такое, чтобы никто не понял, что там, если бы украл ее телефон. В разных текстовых файлах, в подпапках, хранились биографии известных личностей из Википедии. Папки исчезали каждый год, как только Октябрина становилась старше. Исчезли уже «Восемнадцать», «Девятнадцать», «Двадцать», «Двадцать один», «Двадцать два».

Октябрина открыла папку «Двадцать три» и наугад выбрала актрису, которая стала известной в двадцать три. Октябрина еще раз сверила информацию, отняла от одной даты дату рождения. Все правильно, двадцать три. В двадцать три она обеспечила себе вечность хотя бы в чьих-то глазах. Над актрисой хранился поэт – тоже стал известным, издал первый сборник стихов, который получил награды, в двадцать три. А до них были те, кто сделал себе имя и в восемна-

дцать, и в девятнадцать. Раньше была даже папка с теми, кто прославился до совершеннолетия, но ее Октябрина удалила. Невыносимо было открывать ее, она и не открывала.

Каждый год Октябрина давала себе еще один шанс стать нужной, сделать себе хоть какое-то имя, хоть где-то, пусть и не слишком известное, но важное хотя бы для кого-то. Который год она уже не укладывалась в сроки.

Октябрина прикусила губу изнутри. На щеке образовалась корочка, уже достаточно плотная как пузырек. Еще немного покусать, и пузырек надуется. Смотреть свои фотографии, хранившиеся в отдельной папке для качественных фотографий, не хотелось – фотографом она не сможет стать. У фотографов должен быть взгляд на мир, а у нее – простые глаза. Такие не умеют видеть особенное в обыкновенном. На стихи в заметках смотреть тоже не особенно хотелось. На сделанные дома поделки из глины – особенно. Единственную нормальную тарелку, которую Октябрина смогла сделать, она использовала как миску для Клюквы.

Троллейбус проехал мимо заброшенного дома у моста. Октябрина сама не заметила, как улыбнулась. Вид из дома открывался замечательный. Как-то раз Октябрина проходила мимо, смотрела на противоположную сторону. Деревянные домишки начала двадцатого века, может, даже раньше, какие-то уже облицевали кирпичом, даже перестроили, но какие-то еще оставались живым напоминанием о провинции, из которой когда-то уехала Октябрина. В речке отража-

лись облака, а вечером она окрашивалась то в желтый, то в красный. За железной дорогой разрезала шпилем колокольни небо церковь, облепленная строительными лесами.

Октябрина следила за домом даже тогда, когда троллейбус проехал, грузно ухнул на остановке, поднялся и поехал дальше.

Октябрина решила, что навестит дом в ближайшее время. Она давно искала подходящее место для уединения, это казалось как раз таким. И как бы ни чесался лоб под искусственной челкой, как бы ни саднила спина от сна на жестком матрасе, в тот момент Октябрина чувствовала себя лучше. Работать еще немного, школьный лагерь в этом году не открывали – школу закрывали на ремонт. Все складывалось лучше, чем она предполагала. До июня рукой подать. Октябрина знала, чем будет заниматься в оставшиеся майские дни.

Глава шестая

Дом был большой, намного больше, чем казалось со стороны. Почти все окна выбиты, и сквозняк гулял по пустым комнатам, заботливо укрытыми крошками ссыпавшегося потолка, обломками мебели и осколками бутылок. Кое-где на стенах сохранились репродукции известных картин в рамках. Казалось, что они играли роль окон в что-то получше, чем реальность.

Октябрина остановилась в коридоре. Дверей почти не осталось, и выбор был огромен. По очереди, прислушиваясь к шорохам за дверями, если те все же попадались, она медленно входила в комнату за комнатой, но не останавливалась ни в одной. С первого этажа вид непримечательный: заросшие бурьяном горы земли, прикрывавшие окна с одной стороны почти до середины, а с другой – забор, изукрашенный столькими цветами, что разобрать ни одного не получалось. По усыпанной землей лестнице она поднялась на второй этаж, такой же как первый, но с холлом у ступеней. Может, раньше тут стояли диваны, растения в кадках или даже книжный шкаф, но со временем остались только осколки. И еще одно отличие – на втором этаже совсем не было дверей, а в некоторых углах валялись шприцы, уже почерневшие от пыли. Комнаты оказались те же, за исключением одной: в центре коридора обнаружилась единственная дверь,

старинная, с резьбой, будто оставшаяся тут со времен прошлой жизни дома. Октябрина медленно, прислушиваясь, открыла дверь и уставилась в огромную дыру напротив входа. Прямо там, за разорванной стеной, в лунном сиянии блестела река, а на другой ее стороне темнел шпиль колокольни.

Октябрина не закрыла дверь и медленно подошла к стене, но не высунулась. Важно остаться в тени, словно ее тут и вовсе не было. Под ногами, как было во всем доме, даже не хрустели осколки, словно даже наркоманы и алкоголики чувствовали какой-то трепет перед окном в прекрасное и не мусорили.

«Здесь? Неужели здесь? – прошептала про себя Октябрина. – Неужели это все, что я увижу перед... перед тем, как я».

– Вы что-то ищете?

Октябрина не обернулась. Может, просто послышалось? Сквозняк, бывает, и не такое вытворяет. Может, это просто мысли в ее голове?

– У вас ведь нет проблем со слухом, вы вздрогнули. Вы что-то ищете? – повторил голос за спиной как-то особенно тихо.

Обернуться пришлось против воли.

Он стоял, засунув руки в карманы штанов, чуть наклонив голову на бок, и смотрел на нее. Не высокий, не очень плотный, но и не задохлик. Наверное, парой ударов уложит.

Октябрина думала, что, по-хорошему, конечно, надо бы уматывать, но ноги как окаменели. Да и стоял парень в двер-

ном проходе, так что выход оставался только один – на улицу через окно, а смерть с выпрыгиванием из окна не входила в планы.

– Ты что тут делаешь? – опять спросил незнакомец, но уже так, словно и сам сомневался, стоило ли.

– А ты? – сглотнув комок горькой слюны, спросила Октябрина. В кармане был баллончик, и она чуть отвернулась от парня, чтобы эту сторону он не увидел. Но пальцы застыли, нащупать баллончик не получилось.

– Мы вряд ли угадаем. – Парень улыбнулся.

Октябрина задрожала уже не пытаясь уверить себя в том, что этого не делала.

Грань между наркоманом или алкоголиком или любым девиантом с простым человеком настолько хрупка, что каждого можно спутать с нарушителем спокойствия рода человеческого, но этот парень выглядел так, словно его по ошибке вставили в картинку, потому что новая не успела скопироваться в память.

– Я просто люблю заброшки, – сказала Октябрина.

– Может, я тоже.

– И ты тут часто?

– А ты?

Про себя Октябрина ругнулась так, что в ушах появились пробки. Она ведь сидела в кофейне через дорогу несколько дней подряд, следила за домом много часов, до самого закрытия, пока делала вид, что читала книгу, но ни одного

человека заходящего или выходящего из дома не увидела. Неужели залез через окно?

– А ты любишь вопросами разговаривать?

– Ты просто не очень хочешь отвечать, вот и вопросов много, – ответил незнакомец и отошел к углу, достал из кармана пачку сигарет и положил ее на шатавшуюся полку у входа. – Я Арсений. Ты куришь?

– А зачем...

– Я полагаю, ты пришла сделать что-то необдуманное. Приятно знать, имя человека, которого встретила последним.

Липкая влага потекла по спине, испачкала самый красивый свитер из всех, что у Октябрины были.

– А не пойти бы тебе отсюда к чертям собачьим? – прошипела девушка и одернула свитер.

– Я пришел не за тобою, мне незачем уходить, – сказал Арсений и – улыбнулся.

Чем дольше Октябрина смотрела на него, тем больше ей казалось, что где-то видела это лицо. Где-то оно было совсем безжизненным, размытым, но запомнилось, запомнилось так, что в полумраке комнаты черты его можно узнать. Во сне или на чьей-то фотографии? Незнакомец на видео, случайный прохожий, которого остановили для проведения социального опроса. Одно из сотен лиц, которые ежедневно встречаются в интернете. Призрак, но она, кажется, помнила его.

– Ну так вали, что стоишь-то?

– А кто расскажет, что нашел тебя здесь? Думаешь, здесь так часто появляются правоохранительные органы? Они появятся только в том случае, если кто-то их вызовет. Тебя потом долго могут не искать, – сказал он и пригладил волосы.

«Они не найдут меня просто так, – прошептала про себя Октябрина. – Они увидят, что я сама сделала с собой, в новостях». Отчего-то ей захотелось зайти в интернет и поискать, хоронят ли таких людей на обыкновенных кладбищах или, как когда-то давно, за забором, без креста и опознавательных знаков.

– А почему ты решил, что я пришла сюда за этим? Я могла прийти просто так! – прошептала Октябрина. – Вот ты, ты зачем здесь? Почему мы не можем быть здесь по одной причине, а?

Арсений посмотрел на нее с жалостью, убрал руки за спину.

– Ты ведь не за спасением сюда пришла, – тихо ответил он, – у тебя на лице отчаяние написано. Тебе больно, тебе плохо. Я вижу тебя в первый раз, но уже разглядел это. Стараться увидеть не нужно. Скажи, зачем же такие сюда приходят?

– А ты? А ты, ты-то что, за спасением в эту дыру пришел?

– Пришел, но не за своим.

Ответ Арсения пульсировал в висках Октябрины, пока она думала, оглядывалась, считала осколки стекла, куски развороченной мебели и думала, но ни одной мысли озву-

чить не могла.

– А не боишься, что тебя заберут как причастного? Может, тебя посадят как убийцу? – спросила Октябрина и огляделась. – Не боишься? Посадят ведь, статья.

– Как же они смогут решить, что я причастен, если я, например, могу привести завтра друга и «случайно», – он показал кавычки пальцами и снова убрал руки за спину, – на тебя наткнуться. Если кто-то и придет на тебя посмотреть, увидят, что ты уже была тут задолго до того, как мы появились.

– А как ты объяснишь, что вы делаете на заброшке?! – вскричала Октябрина и – сразу же притихла.

– Ты все еще задаешься вопросами? Хорошо. У меня есть друг фотограф. Он для газеты городской долгое время фотографировал. Ему дали пропусков во все приятные и значные места, так что мы просто на фотосессию отправились. Ну как, тебя легенда устраивает? – Парень улыбнулся и протянул ей руку. А потом сразу же убрал за спину.

У Октябрины закружилась голова. Казалось, Арсений все еще протягивал руку. Но отчего-то Октябрине захотелось спуститься на первый этаж и убежать. Даже размышлять о том, о чем прежде Октябрина могла думать спокойно, при незнакомце казалось опасным.

– А что, тут часто бывают такие?

– Какие такие?

– Ну, ты понял.

– Бывало тут всякое. Раньше тут собирались наркоманы, кололись и ждали утра. Наверное, ставки делали, кто выживет. Иногда алкоголики забредают, но они тут умирают редко. Алкоголь все-таки медленнее убивает, но убивает – в этом никаких сомнений. На первом, там, где ванная раскуроченная стоит, видела? Вот, там еще пару лет назад женщина вены перерезала. Пару дней найти не могли. Такой ужас был на лицах ее семьи, такое даже вспоминать страшно. Не одна загубленная жизнь, нет, а куда больше.

– Ты тут... давно? – Октябрина села на относительно чистый пяточок на полу и положила тяжелую сумку на ноги. Стоять она больше не могла – ноги дрожали.

– Захожу иногда, поглядеть, кому еще сил не хватит остаться. – Арсений прислонился к стене и посмотрел на нее. – Но это были хорошие месяцы – тут никого не было. И тут – ты. И ты все еще передо мной.

Ровная спина, внимательный взгляд. Он был в белом, как будто ангел спустился к ней, чтобы спасти. Только Октябрина знала – ее никто спасать не будет, не в ее положении быть спасенной. Она уже много раз думала о том, чтобы попросить помощи, – держала пальцы над кнопкой вызова маме, чувствовала, как слова признания царапали горло во время разговоров с подругами, с Романом, как каждый раз, после каждого разговора, спрятанные слезы выжигали уголки глаз. Она даже думала обратиться к специалистам – есть же такие люди, которые помогают остаться на земле, не уходить ни-

же. Их номера Октябрина держала записанными на задней обложке блокнота с переживаниями, которые она писала со второго курса университета. В тот год все и испортилось. Отчаяние и одиночество съедали ее изнутри. В интернете писали, что со временем это проходит, что нужно найти смысл жизни. Но со временем лучше не стало.

– А у тебя интернет есть? – прошептала девушка и сжала ручки сумки в пальцах.

– Интернет? А тебе зачем?

– Посмотри, пожалуйста, как таких, ну, таких хоронят? – Она даже не подняла на него глаз. – На кладбище или за ним? Им памятники ставят? – Больше говорить она не смогла. По щекам ее побежали слезы.

Арсений помолчал недолго. Даже не стал копошиться в карманах, делать вид, что искал телефон. Он не пошевелился, не отвел взгляда от скрючившегося на полу тела.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Октябрина, – не сразу выдавила девушка.

– И... прям так и зовут? – спросил Арсений и скривил губы так, что не ясно было, улыбается он или злится.

– Нет, все зовут Катей.

– А тебе нравится, когда тебя зовут Катей?

Октябрина почувствовала, как холод побежал по спине. Это никого раньше не интересовало.

– Меня обычно не спрашивают, – сказала она и посмотрела на грязные руки. И когда успела испачкаться?

– Я спрашиваю тебя. Я не люблю, когда меня называют сокращенным именем. Может, тебе тоже неприятно.

Октябрина хотела кивнуть, но шея словно замерзла, и каждое движение головы сопровождалось хрустом крошки льда.

– Да, мне тоже не нравится, – ответила она тише, чем хотела.

– Так уже лучше. Приятно познакомиться, Октябрина. Так что, продолжать будешь или мне уходить?

– Нет, – прошептала Октябрина и вытерла тыльной стороной ладони слезы. – Я просто люблю заброшки, сказала же.

– Я знаю местечко получше, где можно поглядеть на заброшенные дома и не бояться оступиться и провалиться в пол. Но, может, в другой раз.

– Ты уже уходишь? – Октябрина вздрогнула так, словно ей под ребро укололи. Лишиться единственного человека, с которым можно просто поговорить, *сейчас* не хотелось.

– Нет. Но ты, наверное, теперь захочешь, чтобы я ушел.

– А почему теперь захочу?

– Ты совершать необдуманного больше не хочешь, по тебе видно, что обдумала все и отказываешься, – сказал Арсений и улыбнулся. – Тебе хочется побыть одной.

Октябрина и сама не поняла, как улыбнулась. Не так, как улыбаются обычные люди, не губами. Что-то внутри нее улыбнулось. Что-то, чего просто так не увидеть.

«Я больше не хочу быть одна, все наоборот», – подумала

она.

– Пообещай мне, что больше сюда не вернешься, – сказал Арсений и подошел к Октябрьне.

Девушка попятилась бы, но некуда. Дыра в стене все еще очень близко. Если что, улететь в нее легко, Арсению не придется даже напрягаться, всего-то подтолкнуть. Но он всего лишь подал ей руку.

– Мы же с тобой никогда не увидимся. Кому я буду обещать? – спросила Октябрьна. Рука Арсения все еще перед ее лицом. Длинная ладонь, казалось, целилась средним пальцем прямо в глаза.

Арсений опустил руку.

– Что ж ты сразу не сказала? – Он улыбнулся и полез в карманы штанов. – Я напишу, где меня найти.

– И что же, я к тебе просто так прийти могу? – спросила Октябрьна и сама, кое-как, покачиваясь на ослабевших ногах, поднялась.

– Конечно. Поверь, я могу представить, что ты чувствуешь сейчас. Тебе нужно примириться с собой, но тебе может понадобиться поговорить с кем-то после. – Он вытащил из кармашка штанов маленький блокнот в клетку и огрызок карандаша и начал писать что-то на листочке. – Я не обижусь, если не придешь. Это не мне, это тебе. Если захочется вдруг поговорить.

Он протянул листочек Октябрьне, а она засунула его в карман, даже не взглянув на адрес. Бумага была еще теплая

после прикосновений Арсения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.